

Памятники славянской старины въ простомъ русскомъ народѣ въ Нижегородской губерніи¹⁾.

„Въ царствѣ протонародной русской жизни повсюду воздвигнуты драгоцѣннѣйшіе памятники славянской старины. Для меня,—говоритъ въ рукописи авторъ,—нѣтъ возможности открыть эти памятники повсемѣстно въ Россійской Имперіи, но мнѣ извѣстна хорошо русская народность въ той части Россіи, Нижегородской губерніи, гдѣ я родился и имѣю постоянное пребываніе“.

„Памятники славянской старины въ простомъ русскомъ народѣ этой части заключаются преимущественно въ области народнаго языка, въ области народнаго русскаго быта и въ области протонародной русской словесности“.

По мнѣнію автора, эти памятники народнаго языка даютъ „матеріалы къ открытію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отдаленнѣйшихъ событій въ общихъ судьбахъ Славянъ съ другими древними народами Европы и къ достиженію происхожденія праотцевъ русскаго народа. Они проявляются въ сродствѣ славяно-русскихъ словъ съ нѣкоторыми древними языками европейцевъ и съ древними же историческими извѣстіями, азіатскими географическими названіями и именами людей“.

¹⁾ Подъ такимъ названіемъ въ рукописномъ отдѣлѣ Нижегородскаго учен. архив. комисіи попалась намъ довольно объемистая рукопись неизвѣстнаго автора, которая, судя по выцвѣтшей бумагѣ, оборотамъ рѣчи и сдѣланнымъ въ ней ссылкамъ на источники, написана въ 60-хъ гг. XIX столѣтія. Изъ всѣхъ разбросанныхъ въ ней свѣдѣній, къ несчастію, очень скудныхъ и отрывочныхъ, о языкѣ, одеждѣ, обычаяхъ, суевѣріяхъ и народномъ весельѣ, оказались болѣе интересными выводы автора о нарѣчіяхъ (говорѣ) тамошнихъ крестьянъ, почему въ нѣкоторой передѣлкѣ рѣшаемся сообщить ихъ съ приведенными образцами юмористическаго народнаго творчества.

Въ произношеніи крестьянами Нижегородской губерніи онъ видитъ сходство славяно-русскихъ нарѣчій съ древнимъ языкомъ Грековъ и Латинъ. Такъ, напримѣръ, нижегородцы говорятъ вмѣсто болтаю—лалакаю, типаю—кусаю, идемъ—адя, твердѣю—калѣю, равно-значуще латинскому calleo, присвоюю—хапаю (отъ латин. глагола capio), жую—мямлю (похожее на mondo), падаю—ляпаюсь (отъ labor), дождить—плюхать (pluo), упадаю—рухаюся (vuo); русское слово „точить“ (torno) въ Нижегородской губерніи замѣняется произношеніемъ „торить“. Въ латинскомъ языкѣ „свинья“ переводится „scrofa“, у нижегородцевъ же „скуреха“ означаетъ подлую женщину.

На основаніи такого сходства славяно-русскихъ словъ съ греческими и латинскими названіями, „чего нѣтъ въ другихъ языкахъ Сѣвера Европы“, авторъ старается доказать, что „Славяне переселились въ Европу изъ предѣловъ Южной Азіи“.

Нижегородскіе памятники славянской старины заключаютъ въ себѣ, говоритъ онъ, „отгѣнки, какъ древнихъ состояній Славянъ въ политическомъ бытѣ, такъ и позднѣйшихъ событій между народами, въ предѣлахъ Россіи нынѣ обитающими“. Они проявляются не въ словахъ только, но и въ народныхъ нарѣчіяхъ, которыхъ въ Нижегородской губерніи насчитывается пять: чисто-великорусское, заволжское, ветлужское, запьянское и яготское¹⁾.

На первомъ нарѣчій говорятъ нижегородскіе крестьяне, обитающіе на южной сторонѣ р. Оки и на западной—р. Волги, въ уѣздахъ Горбатовскомъ, Нижегородскомъ, почти во всемъ Арзамасскомъ, Княгининскомъ, часто Макарьевскомъ и Васильсурскомъ. Нарѣчіе заволжское распространено по восточной сторонѣ р. Волги и сѣверной—р. Оки, въ большей части уѣзда Макарьевского, Семеновскомъ и Балахнинскомъ. Ветлужское произношеніе сохранилось только въ одномъ Макарьевскомъ уѣздѣ среди крестьянъ, обитающихъ около р. Ветлуги. Запьянское—по южной сторонѣ р. Пяной въ уѣздахъ Сергаческомъ, Лукояновскомъ и во всемъ почти Ардашевскомъ. Яготское же нарѣчіе употребляется только въ одномъ Лукояновскомъ уѣздѣ среди крестьянъ селъ Михалкова, Майдана, Новой Слободы, въ Карадыкинѣ, Елфимовкѣ, Сиресяхъ и Васильевѣ Майданѣ.

¹⁾ Причиной обилія нарѣчій авторъ выставляетъ смѣшанность населенія и административное дѣленіе губерніи въ разное время. Вліяли на мѣстный языкъ укрѣпленія, бродяги, проходившіе по прямому пути въ Сибирь и по всей длинѣ Волги. Ближе къ послѣдней—по берегамъ—выговоръ чище, а чѣмъ дальше въ глубь,—нарѣчія принимали иной, болѣе грубый отгѣнокъ, однако въ зависимости отъ того, въ какую сторону—къ Москвѣ или къ Вяткѣ и Ветлугѣ (Костромѣ).

Великорусское нарѣчіе нижегородцевъ представляетъ противъ извѣстныхъ нарѣчій центральныхъ областей большую разность въ произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ, сокращеніи двухъ въ одинъ, опущеніи согласныхъ и перемѣщеніи удареній. Напримѣръ слова „небеса“ нижегородскіе крестьяне выговариваютъ „нибіоса“ „на свѣтъ“— „на свѣти“, „твоя“— „твѣ“, „поймалъ“— „пымалъ“, „сомнѣваться“— „сумнѣватца“, „читаетъ“— „читать“ и т. д.

Нарѣчіе это распадается здѣсь на два „діалекта“—обыкновенный и такъ называемый „съ висока“. Послѣдній отъ перваго отличается тѣмъ, что въ начальныхъ слогахъ вмѣсто гласнаго звука „О“ ставится „А“. „Огно“ произносится „акно“, „стоять“— „стаять“ и т. п. Какимъ образомъ употребляется тамъ обыкновенное простое великорусское нарѣчіе въ связной и понятной рѣчи,—это можно видѣть изъ слѣдующей крестьянской побасенки о чувствахъ.

„Посли дѣлавои пары вздумалась одному шведу иттить попортничать. Вотъ онъ и пошолъ въ Чувашу. Солучилось ему иттить мимо рѣки. Онъ подошелъ къ рѣкѣ, да да-ка, бать, у биреговъ то я пошчупаю, нѣтъ ли рапныхъ норъ. Вотъ онъ и давай шчупать. Норъ та нашолъ многа, да всію пустыя. Изъ одной только норы вытащылъ рака. Да ужъ и ракъ! зато! Съ осмытѣкъ (съ ошметокъ). Вотъ онъ положилъ рака въ пазуху, да и пошолъ къ чувашскѣй деревни. Вошолъ въ деревню, да и спрашивать съ крайнѣва двора подъ каждымъ окошкѣмъ! нѣтъ ли у каво шить чаво? Въ одномъ дому бабимъ голосѣмъ велѣли ему войтить въ пзбу. Онъ вошолъ, хватъ-анъ въ избѣ та одна только Чувашка. Слово за слово, да Чувашка та и бать! „ядискать дома то топерь одна. Мы-дискать съ мужомъ двоя только живьомъ, да онъ ушолъ въ лѣсъ къ зими дрова готовить. Двѣ-дискать ночи начовалъ въ лѣсу, да и нони не придютъ начовать“. Вотъ Чувашка покалякала съ шведомъ, да и пошла коровъ доить. А на дворѣ та была ища не больна поздна; ища можна была и ищо поспрашивать работки. Вотъ швецъ и думать— „какъ бись хозяина шить Чувашки оджоу? Пожалуй худа слова наживьошь. Вить она хѣтъ и хозяйка дому, да всію въ дому ни властелинъ. Какъ хозяйинъ та придютъ, да бранить будіотъ за ита. Да иша, шутя, и денягъ за работу ни отдасть. Ты, скажитъ, зачѣмъ бись хозяина слушалъ бабы? Такъ и бери съ нейо деньки та! А съ бабы чаво взять? Правду баютъ, кто съ бабѣй свяжицца, самъ—баба. Да постой жи! Я такъ ту отъ тея ни пойду! Я ешучу што-нибудь съ тобой“.—Вотъ швецъ глядитъ въ избѣ на всѣ стороны. Увидалъ, у бабы стоитъ на печи квашня съ хлѣбнымъ притворѣмъ (шестомъ). Онъ взялъ да рака та изъ пазухи

въ квашню та и втискалъ. Чувашка вошла съ дойницей въ избу.— „Вотъ Чувашка,—швецъ и говорить,—ты што, matka, хочишь шить та?“—Она ему бать: „бѣлэй кафтанъ“.—„Нѣтъ, бать, я кафтана шить теэ бись хозяина не стану. Я при хозяини приду хъ теэ и сошью кафтанъ. Прощай покаместь! Я ицо пойду искать работы.“—„Ну инъ, прощай,—молвила Чувашка,—да смотрѣй жа на послизавтра безпреминна приходи“.—Швецъ ушолъ; чиресь три двора опять швеца вскрычали въ избу работать. Вотъ пришла ночь. На другой день поутру Чувашка гдять въ квашню мѣсить хлѣбы, анъ тамъ ракъ бараблицца. Вотъ она, съ роду, знать, раковъ та ни видала, испужалесь, выбигла на улыцу, да и давай жарить „карауль“! Всѣй деревни Чуваши сбѣглись къ чувашкину двору. „Што ты, баютъ ей, кричишь?“—„У меня, бать, чортъ въ квашнѣ!“—Вотъ ввалили къ Чувашки въ избу, и швецъ взошолъ съ ними жа. Тотъ подойдоть хъ квашнѣ посмотреть, другой поглядить, и всѣ боятца взяти въ руки рака. Услыхалъ тревогу чувашскѣй старѣста, идьоть къ Чувашки въ избу.— „Што, бать, у васъ тутъ сдѣлалесь?“—„Да вотъ не знай хто та хъ баби въ квашню залѣсь!“—„Нутка я посмотрю“.—Подошолъ старѣста, посмотреть въ квашню, да и гѣворить всѣмъ Чувашѣмъ, кои въ избѣ были:—„А какъ вы думати, што эта въ квашнѣ сидить“.—Одинъ Чувашнѣ баятъ: „эта чортъ!“—Другой баятъ: „эта дьявѣль“;—третій баятъ: „эта акаинней“.—„Нѣтъ! всѣ вы робята хвастати,—баятъ имъ старѣста.—Эта не чортъ и не дьявѣль, а эта што-нибудь другая. Кесъ эта портной! Паглядитка!—вотъ у нево и ножинки въ рукахъ и кончики въ губахъ“.—„Ну, такъ молодець ты, Оома Иремеичъ“,—закричали въ одинъ голось всѣ Чуваши.—„Катца (кажется) ни хто экъ не дѣгатца, какъ ты дѣгадался“.—Баятъ:—„И такъ эта портной! Вишь, какъ ножницами та онъ хлопать.—Такъ подати жа,—вынисти ево на волю! пускай онъ идьоть, куда ему нады“.—„Да, помайжи ево!—сказалъ старѣста.—Вишь, какъ онъ сердечней изморался!“—Взяли да и давай пока мыть въ водѣ надо всѣмъ ведромъ. А какъ та вырвался, да въ ведро та бухъ пряма на дно, да и давай по дну задомъ пойзать.—„Робята!—сказалъ швецъ,—ита приньось рака та:—я самъ—портной и портныхъ этихъ знаю. Онѣ одьожу шьютъ водянымъ шутовкамъ и живутъ въ водѣ. Вы посмотрити, какъ онъ водѣ та рать. Возмити ка да ево въ воду отнесити. Эта ево сдѣшна хозяйка накликала. Она всьо тужить, шта у ней бѣлѣва кафтана нѣтъ“.—„И такъ выдна, дядюшка!—сказали Чуваши.—Спасибо теѣ шта надъумилъ ты насъ!“—Взяли рака въ ведрѣ да и бухъ ево въ пруть:—„Шей, ракъ, шутовкамъ одьожу!“—Плоха Чуваши объ раки толковали. И Русскимъ худа судить—рядить объ незнамѣмъ. Одинъ схвастѣтъ,

другой соврѣоть, а третій ницо переврѣоть. На экихъ Русскихъ такъ же смѣшно глядѣть, какъ смѣшно была смотреть шведу на то, какъ Чуваши объ раки тылковали“.

На „діалектъ съ висока“ авторомъ приведена такая побасенка о татарской трусости:

„Адинъ мужикъ малолъ вмѣсти съ татаринѣмъ на мельницы рошъ. Вотъ онѣ мелють да и расбались кажнѣй опъ своэй вѣры. Адинъ бать, „руска вѣра лутчи“, а другой бать, „татарска вѣра лутчи“. Рускѣй бать: „не всѣ вѣры гажы, а котора нибуть адна хѣроша. Кабы татарска вѣра была хѣроша, лутчи рускѣй, то-бы русскихъ малитвъ черти ни баялись, а то только пирихрестись да сатвари малитву,—малитвай всѣхъ чертей пажготъ, и ни адинъ ни прикачнѣотца ни къ аднаму челѣку“. А Татаринъ бать:—шта татарскихъ малитвъ черти пущи ба-ятца, не есь русскихъ.—Мельникъ въ эвта время былъ въ анбари и всю слушалъ, што бали Рускѣй съ Татаринѣмъ. „Постой!—самъ сеѣ думать,—я съ табой сдѣлаюсь, татарскѣй лоцъ!“—Да какъ увидалъ, шта пришла ночь, и Татаринъ дамалолъ,—пашолъ сагнулъ изъ ивинки абручикъ, придѣлалъ къ нему рага, да этатъ абручикъ на голову сеѣ и надѣлъ, а рожу та закрылъ исъ синей тряпки харей, а вмѣста глась та прилѣпилъ къ хари та жирбейки мышинава агня, адбожу та всю скинулъ дѣ нага, да сажей весь вымаралса, да и пашолъ на ту дарогу, гдѣ нада была Татарину іѣхать. А по этай дароги та тькла рѣчка, а чирезъ рѣчку та мостикъ. Вотъ онѣ сѣлъ надъ мостикомъ да и даждатца, какъ паѣдитъ Татаринъ. Татаринъ іѣхалъ съ возѣмъ дамой. Мельникъ услышалъ да и сталъ сереть мосту, да такъ та рывкнулъ, шта самому та стала страшна. Татаринъ испужалса, да и давай на татарски малитву тварить. „Алла багамета! Алла багамета!“ А мельникъ адно стайтъ, да ревьоть. Вотъ Татаринъ за мѣста руской малитвы и давай крычатъ: „Усья Харесья! Усья Харесья!“ Мельникъ услыхалъ эта, да бухъ въ воду. Татаринъ ну-ка назатъ на мельницу. А мельникъ послѣ ево вымался да дамой; абрядился апятъ,—ни узнатъ. Татаринъ выпрекъ лошаты, идеть въ анбаръ,—„Чуть, бать, инда языкъ этъ помѣшалса. Ну, бать, Рускѣй, правда ты балъ: ваша вѣра лутчи нашей. Пѣка я дарогой то іѣду, а шайтанка та и стайтъ на масту да такъ и ревьоть, ровна медвѣтка, да весь черна, а глаза-ти, ровна угли. Я давай па татарски малитву творить: „Алла багамета. Алла багамета!“ Шайтанка веѣо стайтъ. Я ну-ка па руски: „Усья Харесья!“ Шайтанка бухъ въ воду.—„Ни хваличь Татары, шта иха вѣра крѣпка. Можа быть въ ихнихъ книгахъ крѣпка запавѣдана, да

Татары та не крѣпки въ вѣри. Пади-ка Рускава экъ испужай. Рускѣй умрьотъ скарѣа, а сваей вѣры ни пахаты!“

Нарѣчіе заволжское отличается отъ другихъ тѣмъ, что многія слова произносятся съ сокращеннымъ прибавленіемъ въ нихъ другихъ гласныхъ буквъ, такъ предъ звукомъ „А“ прибавляется звукъ „Э“, предъ „Е“ и „Ѣ“ слышатся буквы „І“ и „Ы“, предъ „О“—„У“, предъ „У“—„І“ или „Ы“, предъ „Ы“—часто „Э“. Напримѣръ, „хата“ выговаривается „хатэа“, „на дворѣ“—„на дворіѣ“, „на улицѣ“—на улицѣѣ“, „палати“—„палатеи“, „сито“—„ситуо“, „штаны“—„штанѣы“. Кромѣ того звуки „Ю“ и „Я“ составляются изъ двухъ буквъ „іу“ и „іа“, хотя буква „і“ произносится сокращенно, едва замѣтно, такъ примѣрно: „гляжу“—„гліяжу“, „люблю“—„ліубліу“, „дядя“—„діадіа“. Дательный и творительный падежи множественнаго числа въ этомъ нарѣчій часто произносятся или въ единственномъ числѣ, или въ другомъ падежѣ. вмѣсто того, чтобы сказать: „поди дай лошадямъ корму“, заволжскіе нижегородцы говорятъ такъ: „подеи задѣай корму лошадеѣй“, или „пойдемъ за лошадьми“—произносятъ: „пойдеіомъ за лошадіамъ“. Для показанія употребленія этого нарѣчія въ связной рѣчи, авторомъ приведенъ слѣдующій разсказъ о Татарахъ.

„У однуую Татѣаринеа на гумную свинѣа прилѣа, да и давѣай гороухъ тѣхтеитъ. Вуотъ Татѣаринъ глѣдеитъ на свейнѣу: „назѣамъ“ (не замаѣ),—говорейтъ,—іѣсть чуортѣа скотеина, обожреіотца да окаліѣтъ“. Свинѣа нажраласіа, пошлѣа на клѣучъ да испейла. Испившей опіать прилѣа къ горохоу іѣсть; поыѣлѣа да у невуо жѣа въ омеіотъ въ солуому зарѣыласъ да и леглѣа. Татѣаринъ глѣдеитъ! „Постуой,—говарейтъ,—чуортова скотеина, я съ тобуою сѣлаіусь: я сожгыу тебіа!“ Взіалъ огніа да и въ омеіотъ саунуль. Вуотъ омеіотъ и задрѣалъ. Хвѣатъ рускѣа свинѣа ушлѣа, а татѣарскѣй деріевни руовна ни бывуала.—Кабѣы не дуріенъ татѣаринъ бѣылъ,—не стѣалъ бѣы свинѣѣ гороухъ травітъ да въ омеіотеи огнеіомъ еіо палеитъ, а взіалъ бѣы хоруошу чепыженну, то бѣы и рускѣа свинѣа ушлѣа и татѣарскѣа деріевніа былѣа бѣы цѣлѣа.“

Ветлужское нарѣчіе имѣетъ сходство съ нарѣчіемъ заволжскимъ, но различается отъ него тѣмъ, что въ немъ вмѣсто звука „Ч“ всегда почти употребляется буква „Ц“, а соединенные звуки „жс“ и „съ“ выговариваются „цъ“ и „съ“. Слово „черный“ на этомъ нарѣчій произносится „ціорнуой“, „Ветлужскій“—„Ветлуцькуой“, „Русскій“—„Руськуой“ и т. д. Для большаго уясненія отличительныхъ свойствъ такого говора авторомъ приведена небольшая побасенка о Черемисахъ.

„Одеинъ Церемеисинъ напейлся пьянэый, взлѣсь на палэати, ліокъ да и плацеить: „худуо моію діѣло! кэакъ я типіерь быду зыть туо? Кэакъ пахэать туо стэану?“—Онъ, дураліей, дымалъ, штэа віѣкъ быдудить пьянэый!“

Въ нарѣчїи запьянскомъ всегда слышится „Ц“ вмѣсто буквы „Ч“, и на оборотъ, вмѣсто „Ц“ употребляется „Ч“, звуки „Д“ и „Т“ въ сложенїи съ гласными „Е“, „И“, „І“, „Б“, „Ю“ и „Я“ и полугласной „Б“ замѣняются сложнымъ звукомъ „дэ“ или буквой „Ц“. Напримеръ, слово „чарка“ произносится „царка“, „дитя“—„дзиця“, „гдѣ“—„гдзѣ“, „дятель“—„дзяцель“, „терѣть“—„церѣть“, „тиски“—„циски“, „тюря“—„цюря“, „хотеніе“—„хоценіе“, „грусть“—„грусьц“ и т. д.

Подобно великорусскому (нижегородскому) нарѣчїю, послѣднее также имѣетъ два „діалекта“: обыкновенный и „съ высока.“ На первомъ говорятъ немногіе сосѣдніе съ поселенцами по р. Пьяной крестьяне. Въ родномъ селѣ Пьяномъ бору жители его не употребляютъ, а „балакають“ по-великорусски. Повидимому въ большемъ употребленїи оно въ населенныхъ Мордвинами уѣздахъ Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ, ближе къ Пензенской губерніи. Поэтому и существуетъ на этомъ „діалектѣ“ басня о мордвинахъ.

„Какъ-та Рускэй съ Мордзвинэмъ работали вмѣсти на Волги, да вмѣсти отголи и дамой пошли. Вотъ они шли пуцьомъ-дорогэй, да оба приустили. Вотъ Мордзвинъ и выдумалъ штуку.—„Давай, бать, Руской, попиремѣнна одзинъ другова несци за корчэшками. Поколи я ця буду несци, ты пѣсьню пой, а какъ ты спойошь пѣсьню,—я на ця сяду, ты меня неси до цѣхъ поръ, коли я пѣсьню спою.“—Рускэй дзѣлами смекнулъ.—„Пожалуй, бать, Мордзвинушка, я на ита сугласинь. Ну, а преждзи сѣць на ця ни сугласинь. Давай жерьбїй мецьномъ,—кому ково напирьотъ доостатца весьци.“—Метнули жерьбїй. Напирьотъ досталэсь весьци Рускэму Мордзвина. Мордзвинъ сѣлъ Рускэму за корчэшки, сидитъ да пѣсьню пойотъ, а Рускэй слушать да везють. Вотъ Мордзвинъ спѣлъ пѣсьню. Рускэй сѣлъ на Мордзвина да и запѣлъ бисконешну пѣсинку: „ци-ли-ли, ци-ли-ли“. Вотъ Рускэй сидитъ да пойотъ, а Мордзвинъ слушать да везють. Вьорсть дзесиць провьось Рускова да спрашивать: „што, Рускэй, вся ли тва пѣсьня?“—„Нѣтъ, бать, Мордзвинушка, не вся исча!“ Мордзвинъ вьось, вьось, безъ моци сталъ. Упалъ Мордзвинъ съ усташку, а у Рускэва пѣсьня не вся исча.—„Ну, бать, Рускэй, хоць вся, хоць не вся тва пѣсьня, а мнѣ отдыхать пришлось. Твэи ци-ли-ли меня съ нокъ свалили.“—Мордзвинъ остался, а Рускэй исчо вьорсть дзесиць ушоль. Вотъ це Морд-

звинь! зацѣпиль на сву шею съ Рускѣмъ возица. Ну, гздѣ Мордзвину убманицъ Рускѣва? Ушь убманить ли, нѣтъ—Рускѣй Мордзвина“.

На запьянскій „діалектъ съ висока“ въ найденной рукописи записано другое сказаніе о похожденияхъ Мордвы же.

„Адзинь Мардзвинь хадзиль по лису, свиней искалъ. Хадзиль онъ цѣлѣй дзень, ни нашолъ свѣхъ свинушекъ. Да таво дзѣла дашло, шта только плакаць Мардзвину. Вотъ онъ и молвилъ таку рѣчь: „шта кабы нашлись май цушиньки, я бы свѣцку поставиль Кузьмѣ-Дзимьяну!“ Ни паспѣлъ онъ вымалвиць такой рѣчи, анъ свиньци и бигуть. Мардзвинь абрадывался: „Ахъ вы, цушиньки, батъ, мой матушки, и то шта вы нашлись. Я виць цуць за васъ свѣцку ни поставиль Кузьмѣ-Дзимьяну“. Вотъ какой мардзоськѣтъ разумъ. Па абесчяню свѣцки пасгавиць имъ жалъ. Дарѣмъ, шта хрисчоны. Да што объ нихъ баць та. Ани хужи ни хрисчоныхъ та. Правду людзи бають: „Мордва ни хрисцились, а только абманули Христа Бацюшку!“

Въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ послѣднее нарѣчіе, яготское, имѣеть въ томъ своеобразный отгѣнокъ, что гласные звуки „Е“ и „Ѣ“ произносятся на немъ, какъ „Я“. Напримѣръ вмѣсто „его“ говорить „яго“, ѣдятъ—„ядятъ“. Буква „Г“ выговаривается свободно безъ всякаго отличія отъ произношенія великороссійскаго; но безгласное „Б“ въ соединеніи съ буквой „Т“ произносится мягко „Ть“. При томъ въ разговорной рѣчи часто употребляются присловья „ажа“ и „жити“, подобно тому, какъ у насъ говорятъ „ажъ“. „Ажъ страшно стало“—„ажа страшна“. Иногда употребляется это слово въ смыслѣ „когда то, однажды“, или по славянски „во время оно“.

„Ажа адинъ Мордвинъ абжанился, да и взялъ жити за себе дѣвку тяжову. Аѣа жити черезъ недѣлю абрадилась. Ажа Мардвинъ паѣхалъ на базаръ да и купиль пятьдесятъ двѣ калыбѣли.—„На што жити ты сѣстѣль накушилъ калыбѣлей?“—люди яго спрашиваютъ.—„У мяне ди хозяйка черезъ нядѣлю апосля сватѣбы мнѣ рябенка радила. А въ гаду то ди пятьдесятъ жити и двѣ нядѣли, такъ мнѣ нада пятьдесятъ и двѣ калыбѣли“.—Ажа онъ и подумалъ, дуралей, шта жона яго важную жити нядѣлю па рябенку радить яму будить“.

Какъ замѣчаетъ и авторъ, въ приведенныхъ примѣрахъ связныхъ нижегородскихъ нарѣчій „выражается острая критика на тѣхъ инородцевъ, которые извѣстны тамошнимъ русскимъ крестьянамъ“. На самомъ же дѣлѣ, Мордва, Чуваши и Татары далеко не глупы. Напротивъ въ дѣйствіяхъ ихъ отражаются отгѣнки разума здраваго. Слѣдовательно,

насмѣшки Русскихъ надъ ними' произошли не отъ того, а отъ характера Русскихъ и отъ чувствованія, что они въ имперіи народъ владычествующій. Русскій крестьянинъ никакъ не согласится на то, чтобы умъ инородца могъ сравняться съ умомъ Русскаго. Онъ гордится своей любовью ко всему родному и хвалится, что родился и слыветь Русскимъ.—Инородцы, однако, равнодушно переносятъ эти шутки и даже Мордва и Чуваша рассказываютъ сами о себѣ подобныя басни, заключая ихъ тѣмъ, что нынѣ не только Русскіе обманываютъ ихъ, но и они—Русскихъ.

П. Ю.

